

З. Ю. Руденко

Астраханский государственный университет

СТЕРЕОТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Политическую культуру государства создают идеи, призванные легитимировать существующую власть. Кризис государственности рубежа XX–XXI вв. привел к активному мифотворчеству в среде российской элиты. Целью новой системы ценностей является восстановление «былого величия страны», чтобы противостоять набирающим силу процессам глобализации. Таким государственным брендом, призванным обозначить место России в мире, стала проверенная временем «русская идея». Ее суть выражается несколькими понятиями: «уникальность», «самобытность», «непонимание», «богоизбранность», «спасение» [1, 2], которые были выработаны в процессе поиска Россией собственного пути развития.

Именно «русская идея» в различные периоды истории воплощалась в государственные мифологемы, а именно: «Москва – третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность», идеях о «мировой революции», «светлом будущем», о «сильной руке», способной навести порядок [1, 3, 4]. Как отмечает А. Н. Мосейко, эти мифы держатся на трех не подлежащих сомнению постулатах: незавершенности сделанного Россией выбора, возможности его изменить и начать все сначала; эсхатологических представлениях о близящейся катастрофе и чудесном спасении с помощью «русской идеи»; исторической миссии русского народа, заключающейся в спасении человечества [4]. О. М. Здравомыслова обращает внимание на то, что в итоге поиска места России в мире родились сверхнационализм и универсализм, признанные исконными особенностями русских, а их реализация рассматривалась как пересмотр основ европейской цивилизации в направлении нравственного совершенствования человечества [3]. Все это стало основой российского имперского мировоззрения, которое способно решать проблемы и Запада, и Востока и жить ими.

Казалось бы, что активное мифотворчество осталось в идеологизированном прошлом, а современное информационное общество является рациональным. Однако развитие средств массовой информации развернуло новый виток обработки массового сознания через трансляцию социального опыта [5]. Н. Н. Фирсов указывает на активность архаических пластов массового сознания в период социокультурного кризиса в конце XX в. в России, которая стала благоприятной почвой для мифологизации политической сферы общества [6]. Поэтому и сегодня в России на основе старых мифов создаются новые, чему способствует неустойчивость политической жизни в стране. Таким образом, миф возрождается, когда рушится рациональность.

Такая идейная основа создает условия для проведения символической политики, которую классифицировала С. В. Кузнецова, выделив символическую политику «сверху» и «снизу». Под первой понимается использование властью мифологического мышления масс для инсценировки того, чего не существует, но чего ожидает от нее население, а именно: поездки по стране с целью пиара, а не помощи; популистское законодательство; незаурядность личности политика; сценарий оппозиции в условиях консенсуса. «Низы» в ответ на действия власти создают видимость гражданского общества [7].

В настоящее время российская политическая элита предлагает построить будущее на тщательно отобранном прошлом. Сопровождается этот процесс патетикой обновления – дескать, мы осознали свои прошлые ошибки и готовы строить будущее без них, но на том же фундаменте. История легитимирует возвращение великодержавных символов, как досоветских, так и советских, в российскую политическую культуру, формально имеющую демократический характер. По мнению В. А. Ачкасова, именно такой смысл президент вкладывает в понятие сильного государства, провозглашая равноценность всех исторических эпох: «абсолютной монархии, коммунистической диктатуры, постсоветской федеративной республики» [8, с. 60].

Естественно, что заимствование исторических образов гораздо проще, эффективнее и популярнее, а создание новой системы ценностей сопряжено с большими трудностями [9]. По словам А. И. Владимирова, анализ всего произошедшего со страной в последние два десятилетия

тия позволяет сделать вывод о том, что «если весь мир, имея то, что имеет, пытается делать что-то новое, то мы – Россия – пока еще пытаемся реконструировать старое» [10, с. 29]. В результате вполне легально в стране возрождаются имперские мифы.

Обращаясь к понятию «миф», воспользуемся определением А. Н. Мосейко, называющей так «идею, образ, несущий смысл, систему идей или теорию, которые становятся для людей или отдельного человека предметом иррациональной веры» [4, с. 149]. Вера, как известно, не требует логического доказательства, а создает догмы.

Догма первая: «Царь-батюшка нас спасет». Это продукт формирования специфической формы управления – самодержавия, основным принципом которого является единоначалие власти монарха. Царь – не только венец государственной машины, но и советчик, начальник, член семьи, который принимает близко к сердцу трагедию каждого человека. Он наместник Бога на земле, а значит, земной Бог, не обладающий всевидящим оком [11, 12]. Большевики развеяли один культ и создали другой.

В рамках мифа о царе-спасителе проходит и смена власти в современной России. Демократия, по сути, предполагает свободный выбор народа, поэтому назначение наследника президентом выглядит как беспрецедентный случай для европейской демократии. Но в российском массовом сознании этот факт воспринимается нормально. Именно под знаком наследования прошли выборы В. В. Путина, рейтинг которого был необычайно высоким еще до того, как были обнародованы его планы [4, 8, 13]. Да и сегодня население гадает, кого Путин назовет своим преемником – Д. Медведева или С. Иванова. Таким образом, соединение монаршей и вождистской риторики налицо.

Догма вторая: «Приказы не обсуждают, а выполняют». На протяжении многовековой истории страна находилась практически на осадном положении. Сначала грозили кочевники, затем амбициозные поляки и шведы, далее натиск усилила Германия, а апогеем давления стали США. Следовательно, большую часть времени Россия находилась в состоянии военной тревоги, культивировала образ врага, чем поддерживала необходимость сильной централизованной власти [14]. Даже реформы были всегда инициированы сверху. Именно поэтому в России так силен дух самоотдачи и самопожертвования [11].

Догма третья: «Россия спасет мир». Так, Русь предотвратила продвижение в Европу ордынских кочевников; сохранила наследие Византии в виде православия; защищала братьев славян от турецкого гнета; Россия смогла сломить войска Наполеона и Гитлера; СССР создал мощный противовес американской ядерной программе [15]. Естественно, элита страны делает все возможное, чтобы поддерживать эти образы в массовом сознании, что отрицательно сказывается на общественном настроении. Так, распад СССР, вызванный, скорее, социально-экономическими процессами в государстве, нежели вмешательством извне, до сих пор болезненно переживается населением [8].

Догма четвертая: «Индивидуализм – это плохо». Развитие политических идей в стране проходило в рамках русской культуры, которая всегда была тесно связана с православием. Божественный характер власти в православии органично сочетался с уникальной российской традицией – соборностью, порожденной специфическим бытием древнерусского общества [16]. Вплоть до начала XX в. основой социальной организации общества выступала община, переродившаяся впоследствии в колхозы, профсоюзы и т. п. Соборность предполагала коллективный поиск истины, полномочия большинства, исключала существование автономной личности.

Коллективизм был символом Российской империи, Советского Союза и пришел в Российскую Федерацию. Как в 90-е гг. власть ни пыталась внушить ценности либерализма, среди которых конкуренция, свобода предпринимательства, частная инициатива, победили консервативные установки. Индивидуализм для гражданина России – одиночество, неравенство, несчастье, тогда как коллективизм – взаимопомощь, равенство, семейное счастье [17].

Догма пятая: «Во всем виновата бюрократия». Вследствие примата единоначалия в структуре российской власти, в государственную мифологию была заложена формула «Добрый царь – нерадивые слуги». Отчасти это связано с религиозной традицией. Так как монарх являлся наместником Бога на земле, то от него в принципе не могли исходить неправильные решения. Народ, как носитель традиционного мировоззрения, до последнего старается не обвинять «отца», а в случае разочарования в личности автократа вместо структурных изменений в функциониро-

вании власти предпочитает искать очередного героя-«избавителя», способного спасти общество, навести в нем порядок [8]. По мнению Т. Филипповой, данный феномен связан с мифом о раздельности политики и управления, который позволяет отсылать острые социальные проблемы в область компетенции аппарата, свободного от отчетности перед избирателями [18].

Нами описаны далеко не все стереотипы политической власти в России. Однако это те опоры, на которых до сих пор продолжает действовать имперская идеология. Можно согласиться с В. А. Ачкасовым в том, что сегодня России приходится одновременно решать задачи «вчерашнего», «сегодняшнего» и «завтрашнего» дня. Процессы глобализации здесь пресекаются с процессами нациостроительства, попадая «в резонанс», что приводит к усилению противоречий [8]. Естественно, в такой ситуации возникает искушение самоизоляции, возвращения к традиционным и испытанным имперским структурам и методам властвования.

Таким образом, целенаправленная политика российской власти по восстановлению имперских символов и традиций в настоящее время находит огромную поддержку у народа, поскольку (одна из причин) многие граждане РФ являются носителями имперского сознания, что определяется историческими особенностями формирования русской идентичности. В массовом сознании понятия национального государства и империи неразделимы. Действительно, в России процессы нацио- и империостроительства совпали по времени [15], поэтому словосочетание «гражданин России» тождественно понятию «житель империи» уже в бессознательных слоях человеческой психики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века: Судьба России. – М.: ЗАО «СВАРОГ и К», 1997. – 540 с.
2. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. – М.: Сортаник, 1995. – 310 с.
3. Здравомыслова О. М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 109–115.
4. Мосейко А. Н. Мифы России: Мифологические доминанты в современной российской ментальности. – М.: Ин-т Африки РАН, 2003. – 155 с.
5. Curran J. Media and power. – London; N. Y., 2005. – 308 p.
6. Фирсов Н. Н. Миф в российском политическом дискурсе 90-х гг. XX века (На материалах и документах политических партий и движений). – М., 2005. – 116 с.
7. Кузнецова С. В. Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России: Дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2003. – 148 с.
8. Ачкасов В. А. «Имперский ренессанс» и легитимность власти в современной России // *Власть, государство и элиты в современном обществе: Сб. материалов второго Всерос. науч. семинара, Санкт-Петербург, 16–18 окт. 2003 г.* – Пермь, 2005. – С. 59–73.
9. Vienen H., van de Walle N. Of time and power: Leadership duration in the modern world. – Stanford, 1991. – 215 p.
10. Владимиров А. И. О национальной государственной идее России. Стратегические этюды. – М.; Новосибирск: ИЗД-во ЮКЭА, 2000. – 288 с.
11. Кондаков И. В. «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 4. – С. 55–67.
12. Шелекасова Н. П. Бессознательные аспекты имиджа политического лидера // *Политические исследования*. – 2000. – № 4. – С. 130–132.
13. Шестопал Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России // *Политические исследования*. – 2005. – № 3. – С. 137–151.
14. Андреев Д. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. – М.; СПб.: АИРО-XX, 2004. – 160 с.
15. Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
16. Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 1. – С. 56–64.
17. Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. – 1991. – № 2. – С. 145–158.
18. Филиппова Т. Мифы о власти и для власти // *Россия: третье тысячелетие // Вестн. актуальных прогнозов*. – 2003. – № 1. – С. 15–16.

Статья поступила в редакцию 18.12.2006

STEREOTYPES OF POLITICAL POWER IN RUSSIA

Z. Yu. Rudenko

The article is devoted to the examination of moderns views on relations of political power and mass consciousness. The stereotypes of political power, inherited by Modern Russia from Russian Empire and USSR and also the reasons of revival of imperial ambitions of new democratic state are examined. Another problem, a revival of "mythological thinking" in moderns conditions to which political power appeals is revealed.